

Евгений ВИТЧЕНКО

КАРАНТИННЫЙ ЦИКЛ

* * *

Во что-нибудь переодеться,
И душу выбрать посветлей,
И вспомнить счастье. Лето. Детство.
Как надрывался соловей
На ветке вишни. Как я слушал,
Не веря собственным ушам,
Его любви тяжелый случай.
От пения остался шрам
На сердце детском. Сколько было,
Уже не помню, полных лет.
А помню только: сад, крапива,
И, главное, еще не спет
Куплет моей недолгой жизни.
Да что куплет: ни слова нет!
Как бы еще не родились мы,
И облика особо нет.
Еще твой май теплом обласкан,
И мой сентябрь не дождит...
Еще проигрываю на спор
Тому, что будет впереди.
Еще нет повести печальней,
Чем повесть о Джульетте той,
С которой рос под тенью пальмы,
Детсадовской твоей сестрой.
Еще мгновение, и вырос
Ошибок трудных опыт твой.
Твоя вселенская безбытность,
Неизбываемая хворь.

Евгений Витченко родился в 1983 году в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в литературных журналах «Крещатик», «Новая Юность», «Нева», «Сибирские огни», «Нижний Новгород» и др. Живет в Тюмени.

Пластинка на задах играет.
Потусторонний ветерок,
Как и прогретый за день гравий:
У самых ног.
Мгновение и дуновенье,
Ночной неугасимый свет
И это оперное пенье
Сквозь тридцать, даже с лишним, лет.

* * *

Как женщины прекрасны в дождь!
Готические
эти шпильки,
вид сверху,
с высоты подошв,
глаза, промокшие до нитки.
Со всех пяти сторон вода.
Оркестр, тушь!
И дамы в мыле
на шпильках
достигают дна,
но даже ног не замочили.
Одна из них с куста на куст
летит, стрекозочкой
стрекочет,
и жалящий
ее укус
в душе остался в виде точек.
И что ей твой холодный душ,
она — душа,
ей выйти не в чем.
И дождь,
стихающий к тому ж,
и чувств изношенные вещи:
все говорит о том, что ты,
влюблен ли, болен,
прешь по встрече...
А если что,
то нашатырь
у ангела в его аптечке.
В его аптечке белый бинт
на случай
перебинтоваться.
Так и живешь
себе одним
солдатиком из сказки Ганса.

И замечаешь: мир вокруг
нисколько не
переменился.
Все так же
падает в траву
пустая стреляная гильза.
Еще дымок над гильзой той,
еле заметный
привкус дыма.
Вранье,
что выстрел холостой,
ведь холостой не значит мимо.

* * *

Потеря бдительности или
Потеря из виду души.
О ней нечаянно забыли
В метафорической глуши.
Как фехтовальщики сойдемся.
Нет: как придворные пажы!
Послеполуденного солнца
Льняное масло побежит...
По анфиладе комнат будем,
Как пчелы с пасеки, кружить,
Из всех сподручных бить орудий,
Рапирой о рапиру вжик.
Как точно выразить и емко,
Что акцентированный твой
Укол уььет во мне ребенка,
Отправит детство на покой?
Теперь покой нам только снится.
Теперь иные времена:
Из клетки выпорхнет синица
Грудной наружу у меня.
Взросление не за горами.
Но тяжело взрослеем мы,
Что мотыльки повыгорали,
Повыблиняли наши льны...
Повыгорели наши лица,
Особенно кто побледней.
Лишь туча свадебного ситца
На весь земной остаток дней.
Лишь прогорает без остатка
Душа, поди ее сыщи.
Лишь пахнет приторно и сладко
Спирт прогорающей души.

* * *

«Ощипана голова,
Что гуглить вчерашний день...
Как рощица, догола?»
Все ровно, как ты хотел,
Падение, шов за швом,
Глоточек, бокал, пустяк...
«Шампанское не зашло?»
Советское на устах
Еще не обсохло, нет
(Так было и с молоком).
Высоткам Москвы: привет,
Московским мостам: поклон.
«Хотела-то что сказать?»
Что тоже еще в соку.
И что выхожу в горсад
На грабовом рдеть суку
Последним твоим листком,
Как только последний лист
И может висеть, лицом
Упасть обреченный вниз...
«Так лист, говоришь, лицом
Вниз падает, то есть ниц?»
Вниз я упаду, а он
Прикроет мне самый низ...

* * *

Ничего-то мне не остается,
Как идти по следу твоему,
Вспоминать, как кот о ноги терся,
Тень на солнце как росла в длину.
Героиня выдыхов табачных,
Из тебя выпархивал дракон
И по полу ползал на карачках,
Бился, как припадочный, об пол.
Как подолгу мы не выходили
В люди и читали по ролям
Бродского, как истово любили
Стерефонический рояль.
Горовиц смотрел на нас с пластинки
С укоризной, и немудрено:
По неделям маковой росинки
Не было, лишь красное вино.
Красное сухое, а в остатке
Ни похмелья, ни упадка сил...

Как незащищенное в охапке
Зимних роз я сердце приносил.
И оно еще довольно долго
Билось, как на леске окунек.
Как обычно, виноваты оба
В том, что гаснет встречный огонек.
Что свеча за неимением света
Прогорит до блюда. Полутьма
Или тьма полнейшая эффектна,
Но весьма удушлива. Весьма!
Занята собой не понарошку:
Она скроет две фигуры с глаз
Не долгой, но чтобы на дорожку
Тьмой глаза подернулись у нас.

* * *

Мы — полуфрики, полубоги.
Мы разговариваем, как
Две белохвостые сороки
На разных птичьих языках.
Ты на голландском диалекте,
Я — вологодских деревень.
Язык мой пел холмы вот эти,
Пока не одеревенел...
А ты поешь вот этот город,
Его каналы и мосты.
Ему к лицу зима и холод,
Черты окаменелости.
За каждым светоносным слоем,
И даже для того, кто слеп,
Звучат часы с сердечным боем,
И стрелки оставляют след
На циферблате пыльном-пыльном.
А я в краю среди икон...
Сошелся свет не то чтоб клином,
А острым, ранящим клинком.
И я стою себе в сторонке,
В анатомическом углу,
И кровь стекает струйкой тонкой
С пластинки, вставившей иглу.
И голос твой куда светлее
На той пластинке, например,
Чем у молчащей в галерее
Всю жизнь молочницы Вермеер.